

А. И. Мигунов¹

ЛОГИКА, АРГУМЕНТАЦИЯ, ДИАЛЕКТИКА, РИТОРИКА: КОННОТАЦИИ И КОРРЕЛЯЦИИ²

Резюме: В статье даётся критический анализ оснований различения логики, аргументации, диалектики и риторики в современных работах по теории аргументации и излагается концепция, согласно которой в основе такого рода анализа должно лежать определённое понимание природы языка.

Ключевые слова: логика, риторика, диалектика, аргументация.

Anatoliy Migunov

LOGIC, ARGUMENTATION, DIALECTIC, RHETORIC: CONNOTATIONS AND CORRELATIONS

Resume: The paper provides a critique of the grounds of distinction between rhetoric, dialectic, logic and argumentation in contemporary works on the theory of argumentation. I argue that efforts to pinpoint an essential difference among Rhetoric, Dialectic, and Logic as Related to Argumentation should be grounded on a certain understanding of the nature of language.

Keywords: logic, rhetoric, dialectic, argumentation.

Одной из тем, обсуждаемых в работах по теории аргументации, является поиск оснований различения и исследование взаимосвязей между логикой, теорией аргументации, диалектикой и риторикой. То, что логика, диалектика, риторика и теория аргументации представляют собой различные, хоть и близкие, но не тождественные области знания, принимается изначально как бесспорное положение. Вопрос в другом: в чём специфика каждой из них, в чём различие предметов (а может быть и объектов изучения) каждой из них, лежит ли в основе их особенности специфика используемого метода, а возможно, какие-то из них являются разделами другой области знания из этого перечня. Во всяком случае, неослабевающий интерес к их дифференциации свидетельствует о том, что, несмотря на длительную историю жизни каждой из них, а может быть, и по причине их многовекового развития, а, следовательно, изменения, определённости их нынешнего состояния нуждается в осмыслении. Важно, что за этим стоит не практическая задача раз-

¹ Мигунов Анатолий Иванович, кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Anatoliy Migunov, PhD, Associate Professor, Department of Logic, Saint Petersburg State University.
miganat@mail.ru

² Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 14-03-00650.

личения учебных дисциплин при обсуждении возможных вариантов учебного плана, и не схоластический интерес академического педанта, что само по себе тоже не порок, а потребность исследователя в прояснении изучаемого предмета, а, следовательно, в продвижении в понимании природы соответствующего объекта исследования. Проясняя эти дистинкции, мы не просто выясняем, что собой представляет каждая из упомянутых дисциплин, мы начинаем лучше понимать природу исследуемого объекта, в нашем случае это — язык и сознание.

Исторический взгляд на предмет, как известно, полезен не только в позитивном смысле, когда знакомит нас со становлением, развитием и историческими формами идей, в результате метаморфоз которых в конечном итоге сформировалось современное знание соответствующего предмета. Не менее важен другой аспект исторических исследований, когда историческое знание, привлекаемое с целью критического анализа современного состояния науки, позволяет обнаружить и прояснить то, что присутствовало как вызов в самом начале формирования соответствующего исследовательского интереса, что послужило началом соответствующего знания, когда исторический взгляд позволяет приступить к вопросу, который присутствовал уже тогда как один из аспектов еще структурно не различимой эпистемической нужды, но ясная и уместная формулировка которого недоступна нам до сих пор. Ситуация напоминает ту, которую М. Хайдеггер описывал применительно к философии в своей работе 1964 г. «Конец философии и задача мышления»: «Предполагаемое предуготовляющее мышление не способно и не желает предсказывать какое-то будущее. Оно пытается лишь предсказать нечто из настоящего, а именно то, что, будучи сказано уже давно, при самом начале философии и ради этого начала, все же в собственном смысле ещё не помыслено» [Хайдеггер 2008].

Основной вопрос, на который попытаюсь ответить я в этой статье, можем ли мы рассматривать риторику как раздел общей теории аргументации, утвердительный ответ на который прямо или косвенно принимается во многих работах по теории аргументации, когда логика, диалектика и риторика рассматриваются как относительно самостоятельные разделы общей теории аргументации. Уточняя постановку вопроса, скажу так: является ли функция убеждения собственной функцией риторики, выражающей по преимуществу природу этого знания? Ведь именно такое толкование риторики делает почти неизбежным её включение в общую теорию аргументации в качестве её собственного раздела или аспекта.

1. АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОБОСНОВЫВАЮЩЕГО ЗНАНИЯ

Формирование трихотомии логика-диалектика-риторика восходит к Аристотелю. Но у него различение логики (логикой у Аристотеля мы, следуя традиции, называем то, чему были посвящены Аналитики, прежде всего), риторики и диалектики по существу сводилось к различению между аналитическим, диалектическим и риторическим силлогизмами. Можно сказать, что во всех трёх случаях речь шла о поиске и использовании аргументов, но аргументы имели разный характер: они были тождественны по форме, но различался способ их использования, а, следовательно, характер и способ получения посылок, поскольку в последних двух случаях в процедуру обоснования включался «социальный» фактор, появлялся «другой».

Особенность аналитического или научного силлогизма по Аристотелю состояла в том, что он, являясь средством научного доказательства, всегда даёт в заключении

необходимо истинное знание, поскольку его посылки берутся из научного знания, т. е. всегда являются, таким образом, необходимо истинными. По-другому и быть не может, ведь в науке мы имеем дело только с необходимо истинным знанием: первоначалами или положениями, следующими из них с необходимостью. В теоретическом доказательстве диалог принципиально не возможен, поскольку оно строится в пределах научного знания, которое по определению истинно, диалог же предполагает иное мнение, а это выводит по крайней мере одного из участников диалога за пределы науки, т. е. туда, где используется диалектический или риторический силлогизм. Диалектическая беседа находится несомненно за пределами теоретического доказательства, за пределами науки. Но «диалектика имеет дело со всеми [науками]. ... Диалектика не имеет, однако, дела ни с чем-нибудь столь определённым, ни с каким-либо одним родом. Иначе она не прибегала бы к вопросам. Доказывающий же не ставит вопросов...» [Аристотель 1978б: 77а, 30–35]. Доказывающий вопросов не задаёт, потому что некому. В пределах научного доказательства нет собеседника, нет другого. Даже если доказывающий строит своё доказательство перед лицом слушателя, позиция слушателя не учитывается в доказательстве, слушатель не выступает субъектом-соучастником построения доказательства даже косвенно. Аристотель в *Топике* ясно различает эти два подхода, философа (ученого) и диалектика: «Пока дело идет о нахождении [подходящего] топа, исследование одинаково у философа и у диалектика. Но установить, в каком порядке и как задавать вопросы, — это задача одного лишь диалектика, ибо все это обращено к *другому лицу* (курсив мой — А. М.); философа же, то есть ведущего исследование для себя, это нисколько не занимает, лишь бы были истинны и известны [посылки], посредством которых делается умозаключение, хотя бы отвечающий и не соглашался с ним, поскольку они близки к [положенному] вначале и он предвидит то, что из них впоследствии; скорее философ будет стараться, чтобы положения были возможно более известны и близки к началам, ибо из них получаются научные умозаключения» [Аристотель 1978б: 155b, 7–15].

Диалектический силлогизм используется в диалектической беседе, цель которой — преодолеть сомнения собеседника в приемлемости предлагаемой ему точки зрения. И здесь к посылкам предъявляются иные требования. Ведь задача состоит уже не в том, чтобы доказать истинность некоторого утверждения, а в том, чтобы доказать его истинность для другого, для собеседника. В этом случае недостаточно, чтобы посылки были истинными, надо использовать в качестве оснований знание, которое было бы истинно-для-собеседника. Точка зрения обосновывается именно для этого собеседника, а значит, исходя из его собственных убеждений, которые ведущий диалектическую беседу предварительно выясняет, задавая собеседнику вопросы.

Риторика для Аристотеля была искусством речи, обращённой к другому или другим, не предполагающая диалога, беседы. Типичный случай для неё — это речь оратора. Искусство этой речи так же предполагало убеждение, обоснование для слушателя точки зрения оратора. И здесь так же надо было исходить в обосновании не просто из истинного знания, а истинного для публики. Поскольку беседа с вопросами и ответами в этом случае невозможна, надо было использовать риторический силлогизм, энтимему, т. е. *практический* силлогизм. Это был подлинно практический силлогизм, потому что, во-первых, он использовался не как средство научного, теоретического доказательства, а как средство обоснования-для-другого в реальной дискурсивной практике, и, во-вторых, его посылки представляли собой, как прави-

ло, практическое знание, т. е. знание, опирающееся на общий для оратора и публики повседневный опыт. Это не было достоверное знание, это было вероятное знание, к тому же, не научное теоретическое знание, знание по существу, а знание опытное, не знание причин, а знание признаков. Это было знание, приемлемое для большинства, объединённого общим повседневным опытом. Именно поэтому от оратора требовалось как можно более широкое образование — его знания должны были позволить ему вести содержательную речь и с ремесленниками, и с мореходами, и с воинами, опираясь на их повседневный и, следовательно, достоверный опыт.

«Энтимема, — пишет Аристотель, — есть именно силлогизм из вероятного или из признака» [Аристотель 1978б: 70а 10–11]. Не необходимая истина содержится в посылах, а общеприемлемая, истина вытесняется общеприемлемостью, т. е. формируется консенсус между оратором и публикой, в основе которого лежит общий опыт. И даже тогда, когда используется безусловно истинная посылка, то в случае энтимемы в основе её истинности лежит не знание по существу, о причине или природе вещей, как в научном силлогизме, а констатация привходящего признака. Например, «Все люди с лихорадкой больны. У этого человека лихорадка, следовательно, он болен». В этом случае, по Аристотелю, мы имеем дело с энтимемой. Потому что средний термин здесь — привходящий признак, а не собственный, он не является необходимым знанием, знанием по существу, о причине или природе болезни, как в научном силлогизме. «Доказывающее знание получается из необходимых начал... Привходящее же не есть необходимое» [Аристотель 1978б: 74d 5–12]. А, следовательно, в этом случае заключение не является необходимым знанием. Знание этих признаков есть причина того, что мы знаем, что болезнь имеет место, но это не является знанием о причинах болезни. В данном случае суждение с признаком — это свидетельство житейского опыта, общего как для оратора, так и для слушателя, своего рода контингентное суждение. Право на использование этой посылки даёт не наука, а общность опыта оратора и слушателя, что делает заключение, безусловно, приемлемым для слушателя. Это умозаключение является энтимематическим, поскольку здесь присутствует все то же обращение к общей «памяти», к тому, что мы «держим в уме» в качестве исходного, явным образом не обсуждаемого согласия. Конечно, в этом случае посылка часто опускается, но это лишь возможность, а не обязательное условие энтимемы (подробнее см. [Мигунов 2007]).

Т. е. мы имеем дело с тремя формами обоснования одних утверждений с помощью других, но в последних двух появляются субъекты аргументационного взаимодействия, возникает прагматический контекст, что превращало их в то, что сейчас мы называем процедурами аргументации. И в этом случае, в этой своей интерпретации риторика оказывалась видом, особой формой аргументации, аргументацией в ораторской речи. Так выглядит отношение между логикой, диалектикой и риторикой, если брать за основу характерную для античности аристотелевскую классификацию форм обоснования, аргументации.

2. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗЛИЧЕНИЮ ЛОГИКИ, ДИАЛЕКТИКИ, РИТОРИКИ И ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Это (аристотелевское) толкование риторики продолжили Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека, сделавшие принципиальный вклад в формирование современной традиции аргументационных исследований [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969]. Х. Перельман

рассматривает свою концепцию аргументации и их с Люси Ольбрехтс-Титекой трактат как возрождение античной традиции различения аналитического знания (логики) и недемонстративных форм рациональности (диалектика и риторика). Для Х. Перельмана с соавтором было важно отличить аргументацию, в которой у него слились диалектика и риторика, от логики, раздвинуть границы рациональности, заданные Р. Декартом для европейской научной традиции, включая в их пределы неформальные методы рационального обоснования. Но одновременно они внесли путаницу, когда назвали свой трактат по аргументации, которую они толковали, главным образом, как диалектику, риторикой, в силу, прежде всего, внешних причин, поскольку термин «диалектика» был занят и уже использовался вслед за Гегелем в другом, отличном от аристотелевского смысле, а также ещё и потому, что именно в Риторике Аристотель вводит важную для Х. Перельмана категорию «аудитория». При том, что трактат Л. Ольбрехтс-Титеки и Х. Перельмана получил название «Новая риторика», риторика там толкуется в самом узком смысле из возможных, как речевая процедура убеждения. Х. Перельмана интересуют аргументативные структуры, варианты, схемы этих процедур в их противопоставлении формально-логическим структурам.

Вскоре противопоставление логики и аргументации, характерное для Х. Перельмана, было преодолено, и восстановлена похожая на аристотелевскую картина отношения между логикой, диалектикой и риторикой как тремя формами обоснования, т. е. аргументации. Но предлагаемые в наше время многообразные основания для различения, в отличие от аристотелевских, нечётки и иногда носят случайный характер, они, как сказал бы Аристотель, опираются на привходящие признаки. Это касается в том числе наиболее известных и содержательных из них.

Так, Джозеф Венцель толкует логику, диалектику и риторiku как три ракурса, три аспекта (*perspectives*) изучения аргументации. Каждый из этих аспектов выделяет и формирует особый предмет изучения в этом едином для всех трёх объекте. В основе различения этих ракурсов лежит рассмотрение аргументации, соответственно, как продукта (логики), как процесса (риторика) и как процедуры (диалектика). Логика имеет дело с готовым продуктом — текстом, в котором представлено уже построенное доказательство некоторого положения — оценивает его с точки зрения формальных критериев валидности используемых в нём аргументов. Но реальная аргументация предстаёт как *вербальный процесс*, в ходе которого одна стороны стремится *убедить* другую в приемлемости аргументируемой точки зрения. Здесь мы уже имеем дело с риторическим аспектом аргументации, поскольку на первый план выдвигаются категория убеждения и соответствующие речевые средства ее достижения. Но, кроме того, реальная аргументация имеет дело не с пассивно воспринимающим точку зрения и аргументы оратора слушателем, а с критически воспринимающим точку зрения субъектом, и протекает такая аргументация в виде диалога, спора, дискуссии, в которой выдвигаются сомнения, конкурирующие точки зрения и контраргументы. Здесь уже мы имеем дело с диалектикой и на первый план выдвигаются процедурные нормы, регулирующие процесс согласования точек зрения и приёмов их обоснования. [Wenzel 1990]. Христофер Тиндейл, со своей стороны, полагает, что анализ аргументации предполагает использование всех трёх перспектив (логической, диалектической и риторической), ни одна из которых не сводима к другой. Причём в этой модели анализа аргументации риторика является фундаментальной, определяющей [Tindale 2015]. Энтони Блэр исходит

из различия диалогической и монологической речи и говорит, что риторика — искусство аргументации в речах, диалектика имеет своим предметом аргументацию в беседах, и логика имеет своим предметом нормы правильного рассуждения как в том, так и в другом случае [Blair 2012].

Иначе место риторики в аргументации рассматривалось в концепции стратегического маневрирования, сформированной в прагма-диалектике. Учёные, ведущие исследование аргументации в рамках этой школы, предлагают следующую картину взаимодействия риторики и аргументации. Для них риторика — это та же процедура аргументации, что и диалектика, но выполняющая несколько иную функцию. Если диалектические процедуры аргументации имеют своей целью совместное разрешение сомнений сторон и сближение их позиций, то главной целью риторической аргументации является убеждение слушателя. Они исходят из того, что в реальных процессах аргументации всегда присутствуют обе эти стороны, и потому прагма-диалектическая теория аргументации включает в себя риторический и диалектический аспект аргументации, взаимосвязь и взаимодействие которых описывается в концепции «стратегического маневрирования». Суть этой концепции в следующем. В процессе реального разрешения спора происходит взаимодействие риторической и диалектической сторон аргументации. Стороны стремятся к достижению риторических целей, и достижению диалектической цели. Стратегическое маневрирование направлено на минимизацию внутреннего конфликта между одновременным преследованием диалектических и риторических целей, на сбалансирование действий критического обмена аргументативными ходами, и действий, направленных на реализацию стремления убедить своего оппонента, т. е., маневрирование подразумевает соблюдение равновесия между диалектическими и риторическими задачами аргументации, между диалектическими и риторическими ее средствами. Причём, в этом балансировании, на первом месте стоит диалектическая задача: «...если Вы аргументируете, то Вы прежде всего стремитесь к рациональному решению спора (диалектически), но, решая эту задачу аргументации, Вы должны приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам, чтобы добиться решения в Вашу пользу (риторически)» [Rees 2000: 259]. На первом месте стоят, конечно, рациональные критерии. Эффективное убеждение должно дисциплинироваться диалектической рациональностью и даже убедительные риторические приёмы должны отбрасываться, если они нерациональны [Eemeren, Houtlosser 2000: 297]. И все же стратегическое маневрирование направлено на то, чтобы, выполняя свои диалектические обязательства, не жертвовать своими риторическими целями. Т. е., используя возможности, предоставляемые диалектической ситуацией, направлять дискурс риторическими средствами в направлении, которое лучше всего соответствует твоим интересам [Eemeren, Houtlosser 2000: 295]. При этом авторы замечают, что некоторые риторические фигуры, такие как фигура умолчания, риторический вопрос, уступка и т. п., попадая в соответствующий контекст диалектического рассуждения, могут выполнять аргументативные функции.

Как бы мы не толковали аргументацию, бесспорным остаётся, по крайней мере, одно: аргументация — это форма функционирования языка, форма речевой деятельности. Невозможно осмысленно ответить на вопрос, что такое аргументация, диалектика, риторика, если не опираться на определённое понимание природы языка. В основе же предлагаемых дистинкций лежит не анализ природы общего для всех этих дисциплин объекта, понимание которой влияет на формирование предметной

определённости каждой из дисциплин, а поиск и констатация по преимуществу внешних характеристик, традиционно присутствующих в литературе, которая не имела предметом своего исследования природу языка, речи. В результате понимание риторики в конечном итоге сводится по преимуществу к аристотелевскому. Аристотелево уточнение, что функция риторики как дисциплины состоит не в убеждении, а в поиске средств убеждения для каждого случая, как раз и позиционирует риторику как искусство убеждения. Для них риторика — это тот же процесс обоснования для слушателя одних утверждений с помощью других, но, в отличие от диалектики, в контексте монологической речи.

Шарлот Йоргенсен в своем критическом анализе существующих попыток свести сложные, многообразные отношения между риторикой, диалектикой и логикой к некоей трихотомии с непроницаемыми стенами между ними, к трём отделам, различаемым на основании ясного критерия, убедительно демонстрирует бесперспективность такого рода установок: «Универсальность и разнообразие аргументативных актов в реальном человеческом общении делают аргументативный дискурс слишком многогранным, чтобы его можно было охватить одной из областей (или даже всей триадой в целом)» [Jørgensen 2014: 163]. Как остроумно и в некоторой степени самокритично замечает Майкл Гилберт в своем комментарии к докладу Шарлот Йоргенсен, поддерживая основную идею доклада, не надо путать реальность и её модель. Так же как мы не пытаемся утолить голод в ресторане, просто читая меню, не стоит вместо исследования самой сложной реальности, навязывать ей заведомо принятую нами модель, упрощая реальность. Не надо путать дистинкции с демаркацией, какие бы различия мы не устанавливали важно отдавать себе отчёт в том, что ни один из выделяемых аспектов модели в теории реальности, не выделяет безусловно самостоятельно существующую область реального дискурса. Это только лишь особый аспект целого, фиксируя который мы стремимся познать природу этого неразделимого целого [Gilbert 2013].

Ниже я предприму попытку рассмотреть пары этих терминов, чтобы выяснить их дистинкции и корреляцию взаимных толкований. Подобная попытка представляется непростой задачей, поскольку это взаимопроникающие аспекты единого целого, речи, которая подвергается здесь рассмотрению с разных сторон, в разных контекстах, и поэтому невозможно исключить повторы в разговоре о различиях и взаимосвязи той или другой пары из этого набора.

3. АРГУМЕНТАЦИЯ И АРГУМЕНТАТИВНОСТЬ

С самого начала надо различать аргументацию как особого рода процедуру, сознательно (в той или иной степени) осуществляемую говорящим субъектом речи³, и аргументативность рационального дискурса как условие функционирования языка. Язык по природе своей аргументативен [Anscombe, Ducrot 1983]. Всё сказанное сказано лишь при условии, что в этом акте речевого общения слушатель

³ «Говорящий субъект речи» это не тавтология. Быть субъектом речи не означает что-то произносить. Человек выступает субъектом речи, когда толкует, интерпретирует, понимает то, что говорит кто-либо. Поэтому можно что-то говорить, не будучи субъектом речи, т. е. не понимая того, что говоришь, при условии, что имеется некий субъект речи, который своим актом понимания сказанного рождает смысл, который принадлежит ему, но не тому, кто это произносит.

является субъектом речи, то есть понимает, обладает со-мнением, соотносит сказанное с имеющимся у него знанием предмета, и либо принимает сказанное, если оно непротиворечивым образом вписывается в имеющееся у него знание, либо не принимает, в противном случае. За всем сказанным для разумного слушателя всегда стоят определённые основания, неявно предлагаемые говорящим для того, чтобы слушатель принял сказанное ему. Как правило, в речи используются соответствующие вербальные индикаторы, выполняющие роль аргументативных связок и аргументативных операторов. Но надо понимать, что вербальные индикаторы указывают, демонстрируют соответствующие топосы, но не являются обязательным условием их присутствия. Соответствующий топос формируется контекстом речи, в том числе и невербальным, или определённой схемой дискурсивного действия. Аргументативность присутствует в языке поскольку он является коллективным способом воспроизводства и осуществления разума. Индивид сам по себе не обладает разумом, разумом может обладать только вербализирующийся индивид, в акте речи, обращённом к другому субъекту речи, воспроизводящий и утверждающий своё разумное существование. Мысль по природе своей межсубъектна, диалогична и не может быть другой.

Но аргументация существует и как особого рода процедура, сознательно осуществляемая говорящим субъектом речи, который ставит перед собой цель обосновать некоторое положение для своего собеседника, т. е. продемонстрировать ему, что это положение непротиворечивым образом вписывается в его собственное знание⁴, т. е. следует из других положений, которые собеседники рассматривают как изначально приемлемые. Необходимость изучения условий успешности и эффективности этих процедур порождает соответствующую область знания, которая формировалась вначале в рамках риторики как ее собственная задача, а затем отпочковалась от неё и стала называться теорией аргументации, а под аргументацией чаще всего стали понимать особым образом организованное речевое поведение, преследующее цель представить собеседнику точку зрения аргументатора как приемлемую. Понятно, что рациональная аргументация присутствует и как условие ораторской речи, т. е. речи, в которой не предполагается, отсутствует явно выраженный вербальный диалог. А если мы к тому же понимаем риторику как искусство убедительной квази-монологической речи⁵, то теоретическое знание условий убедительности речи должно включаться в качестве раздела риторического искусства. Тогда теория аргументации становится разделом риторического знания. При условии, ещё раз подчеркну, если мы понимаем риторику как искусство речевого убеждения. Так оно и было в античном риторическом искусстве до тех пор, пока интерес к этой стороне речи не сформировался в область знания, которая затем осозналась как теория аргументации, параллельно с которой продолжало существовать воспоминание о риторике, которая выполняла ту же функцию, до отпочкования от неё новой дисциплины, эту функцию сделавшей своим собственным предметом.

⁴ Этот процесс я и буду называть убеждением, то есть ограничивая толкование убеждения исключительно рациональным аспектом, безусловно не ставя при этом под сомнение необходимость изучения этих процедур межсубъектного общения, например, психологией, усматривающей там свой собственный предмет. Как, впрочем, и, возможно, другими областями знания, например, нейролингвистикой и т. п.

⁵ Что, как я постараюсь показать ниже, не верно.

4. ДИАЛЕКТИКА И ДИАЛОГИЧНОСТЬ

Но, кроме того, что язык по природе своей аргументативен, он по природе своей и диалогичен. Диалогичность и аргументативность это два собственных аспекта речи как мыслящего слова. Эту тривиальность нельзя упускать из виду рассуждая об отношении риторики, диалектики и аргументации. Так, выделяя диалогический характер аргументации, адепты прагма-диалектики подчёркивают, что речь вовсе не идёт о том, что всякая аргументационная речь представляет собой диалог в чистом виде. Дело в том, что любая форма аргументации предполагает субъектно-субъектное взаимодействие, а значит диалогична по сути. Т. е., диалектика в их представлении не сводится к определённым формам речевого диалога, а является основой речевого взаимодействия вообще.

Важно различать диалогичность по существу и диалог как особую форму организации и структурирования реального дискурса. Поэтому вопрос можно переформулировать таким образом: является ли диалог, как особая форма организации реального речевого общения, обязательным условием того, чтобы эту речь можно было рассматривать как аргументативную. Ясно, что нет.

Установка на то, что риторика имеет дело с монологической речью, т. е. речью, в которой отсутствует диалог, собеседник ведёт к тому, что, как это ни парадоксально звучит, исчезает слушатель, поскольку он перестаёт быть субъектом речи и превращается в объект воздействия. Он уже не рассматривается как субъект, который озабочен пониманием сказанного, толкует, сомневается. Он перестаёт быть субъектом речи. Субъект речи отличается от всех остальных не тем, что он произносит или способен произносить наборы вокабул, которые позволяют предположить, что он обладает речевыми способностями. Человек становится субъектом речи, когда он понимает, интерпретирует сказанное кем-либо, в том числе и им самим, иными словами, когда он активизирует не органы речи, а разум. Как говорит в *Метафизике* Аристотель: «Можно и относительно их утверждения доказать путём опровержения, что так дело обстоять не может, если только возражающий против нас что-то высказывает; если же он ничего не высказывает, то было бы смешно искать доводы против того, у кого нет доводов ни для чего, именно поскольку у него их нет: ведь такой человек, поскольку он такой, подобен ребёнку» [Аристотель 1976: IV 4, 1006a]. Не только доказывать, но и вообще что-то сказать можно только тому, кто обладает сознанием, т. е. соотносит сказанное со своим знанием предмета. Быть субъектом речи это способность разума, как, впрочем, и его условие. Поэтому если слушатель не является субъектом речи, то говорить в этом случае об аргументации, конечно же, не приходится, поскольку конституирующим условием для аргументации является наличие сомнения, т. е. стремления понять сказанное и соотносить с имеющимся у слушателя знанием предмета речи. Конституирующим условием всякого сказывания является его несводимость к произнесению. Нельзя сказать никому, т. е. в ситуации абсолютного отсутствия слушателя, например, книжному шкафу. Сказать можно только другому субъекту речи, обращение к нему и означает, что говорящий считает его субъектом речи. Понятно, что нельзя отождествлять видимость и действительность. Что значит действительно сказать? Действительно сказано лишь в том случае, если:

1. Говорящий сам является субъектом речи, т. е. понимает, что говорит (иными словами, говорящих попугаев не существует), а именно:

- а) говорящему понятно пропозициональное содержание его речевого действия;
- б) говорящему понятна иллюкутивная сила его речевого действия.

2. Говорящий знает, что слушатель является субъектом речи, а именно:

а) слушатель понимает его речевое действие; иначе, для говорящего это его речевое действие не отличается от общения с книжным шкафом или от «разговора про себя», разговора с самим собой;

б) слушатель знает, что говорящий понимает своё речевое действие, т. е. говорящий отдаёт себе отчёт в том, что он для слушателя лицо, несущее ответственность за сказанное, и поэтому готов нести ответственность за сказанное.

3. Слушатель понимает, что сказано, а именно:

а) ему понятно пропозициональное содержание совершённого говорящим речевого действия;

б) ему понятна иллюкутивная сила этого речевого действия.

4. Слушатель знает, что говорящий понимает пропозициональное содержание и иллюкутивную силу произведённого им речевого действия. Иначе, тогда существуют не только говорящие попугаи, но и говорящие деревья, облака и т. п. Как известно, для мудреца и в шелесте тростника может открыться глубокий смысл, но актом речи это назвать нельзя. Т. е. мало, чтобы слушатель понимал, важно, чтобы он был уверен в том, что говорящий сам тоже понимает сказанное им.

5. Слушатель знает, что говорящий знает, что слушатель понимает совершённое речевое действие. Слушатель, таким образом, перед лицом говорящего берет на себя ответственность за интерпретацию его речевого действия.

Другими словами, сказать можно только собеседнику, тому, кто по отношению к говорящему сам является субъектом речи. Да, язык по природе своей диалогичен, но и здесь, как и в случае с различением аргументативной природы языка и аргументации как особого рода процедуры, мы должны различать диалогичность как характеристику языка вообще, и диалог, как особого рода форму речевого общения, в которой обе стороны выступают не только субъектами речи, но и субъектами говорения.

Всякая речь диалогична, но не всякая речь имеет явно выраженную структуру диалога, всякая речь аргументативна, но не всякая речь имеет явно выраженную структуру аргументации. Не думаю, что мы всегда можем провести чёткую границу, то есть относительно любого случая сказать, является ли он случаем аргументации или нет, является ли он вариантом диалога или нет. Но любое разумное сказывание может быть нами интерпретировано и как объект диалогического анализа и как объект аргументационного анализа.

5. ДИАЛЕКТИКА, ДИАЛОГ И ЛОГИКА

То, что диалог и диалектика понятия близкие и друг друга поддерживающие в толковании каждого из них, ясно и не нуждается в объяснениях. Но в чём их неотждественность, а, следовательно, и определённости каждого из них? Как мы уже говорили об этом выше, для античных философов, изобретателей этого термина, диалектика — это искусство, предполагающее диалог особого рода. Для Платона диалектика — это разговор по существу вещей ради получения знания, но знанием обладает и знание получает лишь тот, кто может дать обоснование этому знанию, «а кто не в состоянии привести разумный довод или его воспринять, тот никогда не будет знать ничего из необходимых, по нашему мнению, знаний» [Платон 2006в: 343,

531e 4–6]. Т. е. диалог в этом смысле всегда аргументативен. Такова суть диалектического метода. Того метода, которым следует руководствоваться для ведения беседы по существу вещей. Да, диалектика — это разговор, диалог по существу вещей. Но суть диалектики не в том, что это разговор, беседа, диалог, а в том, что это искусство *аргументативного* диалога, во-первых, и в котором аргументы для обоснования точки зрения аргументатора предоставляет его собеседник, во-вторых. Понятно, что ведущий аргументативную беседу может обосновать для собеседника свою точку зрения только, если, как уже говорилось выше, он использует в качестве аргументов положения, в истинности которых уверен его собеседник. Поэтому он не вводит эти положения в свою аргументативную речь от своего имени, он задаёт вопросы своему собеседнику, а его ответы на них, в которых выражаются убеждения его собеседника, он использует в качестве аргументов. Т. е. аргументы, исходные положения, с помощью которых ведущий аргументативную беседу обосновывает свою точку зрения, являются их общим предметом ответственности, они оба убеждены в истинности этих положений, что явным образом в ходе беседы они и демонстрируют. Один их формулирует как ответы на задаваемые ему вопросы, а другой с ними соглашается, т. е. признаёт также своими, и использует их в качестве аргументов. Искусство ведения диалектической беседы состоит, прежде всего, в искусстве вопрошания: надо умело задавать уместные вопросы, т. е. такие, на которые этот собеседник даст именно такие ответы, демонстрируя в них свои убеждения, которые необходимы тебе в качестве аргументов для обоснования твоей точки зрения. Блестящими образцами таких диалектических бесед являются разговоры, которые ведёт Сократ в диалогах Платона. Сократ как подлинный мастер аргументативных бесед не навязывает собеседнику свою точку зрения. Он демонстрирует ему, что это его, собеседника, собственная точка зрения, поскольку с необходимостью следует из его собственных убеждений, которые он только что продемонстрировал, отвечая на вопросы Сократа.

Важное условие диалектической беседы: для обоих участников этого диалога ясно, что разумный человек утверждает не только то, что он непосредственно произносит, но и то, что с необходимостью следует из того, что он произносит. У них должны быть общие основания рациональности, то есть, они должны разделять не только пропозициональное содержание высказываемых ими аргументов, но и их логическую форму — они должны быть оба уверены в их правильности. Аргумент — это не высказывание, а логическая определённость высказывания, место, которое занимает высказывание в логически правильной дискурсивной схеме рассуждения. Иными словами, можно сказать, что аргумент — это не высказывание, а его топологическая характеристика, т. е. место, которое оно занимает в логическом пространстве речи. Потому искусство диалектики и базировалось на разработке соответствующей системы топосов, выдающимся примером которой являются Топики Аристотеля. Собеседники Сократа принимали его точку зрения как свою собственную, в которой Сократ помог им сформулировать их собственные убеждения, именно потому, что у них с Сократом были общие нормы рациональности, общая система топосов, т. е. общий класс истинных суждений о предмете и общая логика. Отсюда следует и вывод о соотношении логики и диалектики: логика является основанием, условием, рациональным стержнем диалектической беседы. Диалектика, лишенная логики, перестаёт быть диалектикой. Конечно, прав выше процитированный Дж. Блэр, когда говорит о том, что логика отвечает за рациональность рассуждения, в какой бы речевой форме оно не представлялось.

6. РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

Поскольку аргументация является формой речевого воздействия на другой субъект речи с целью убедить его в приемлемости точки зрения говорящего, то важным условием аргументации является наличие этого другого субъекта. Возможна ли речь, построенная структурно как аргументативное обращение к другому, при том, что этот другой отсутствует как реальный, действительный субъект? Возможна, и речь может идти не только о странных случаях поведения, но и о рассуждении, которое мы строим в беседе с самим собой, т. е. размышляя. Но это будет именно рассуждение, но не аргументация, при том, что всякая аргументация предполагает рассуждение, она является ещё и обращением к другому, явно или неявно. Это всегда обоснование для другого и, если этого другого нет, то функция обоснования для другого не выполняется, и это уже не аргументация. Но в том то и дело, что другой есть всегда. Поскольку именно другой, как я уже писал выше, конституирует речь, наделяя ее смыслом. Моё собственное рассуждение становится таковым лишь в той степени, в какой я являюсь для себя другим, т. е. понимаю сказанное мною. В той степени, в которой я являюсь для себя другим в процессе беседы с самим собой, в процессе размышлений, моё рассуждение обретает признаки аргументации и разумности. Но здесь опять же мы должны говорить о различении аргументативности речи и аргументации как особого рода процедуре, собственно аргументации, предполагающей определённую социологическую ситуацию, определённый контекст межсубъектного взаимодействия. То, что в литературе по теории аргументации часто формулируется как жёсткое требование, а именно: аргументация — это речь, имеющая форму явного диалога, обмена аргументами и контраргументами. Но всё сказанное выше, если с этим согласиться, позволяет рассматривать как аргументативную и речь, которая не имеет явной формы диалога. Так, письменный текст может рассматриваться как форма лексически не фиксируемого, но обращения к другому, и в этом случае быть предметом аргументационного анализа. Тем более, та речь, которая является предметом риторического искусства, в которой явным образом выражается обращение к другому, не может не быть объектом аргументационного анализа. Т. е. риторика, в той степени, в которой она является искусством убеждающей речи, не может не быть одновременно и искусством аргументации.

В античной философии, как известно, убеждающая речь была предметом исследования двух дисциплин: риторики и диалектики. То, что сейчас является предметом теории аргументации, исследовалось в рамках этих двух дисциплин. Риторика и диалектика рассматривались как знание о формах убеждающей речи, как знание о приёмах доказательства для другого. Как замечает Аристотель: «Риторика есть некоторая часть и подобие диалектики: и та, и другая не есть наука о каком-нибудь определённом предмете, о том, какова его природа, но обе они лишь методы для нахождения доказательств» [Аристотель 1978а: 30]. Диалектика — беседа по существу вещей, в ходе которой стороны продвигаются к совместному постижению истины. Чтобы эта беседа была успешной, необходимо выполнить условия: посылки силлогизмов, используемых в этой доказательной беседе должны быть истинны для обеих сторон (коммуникативно истинными), т. е. требовалось предварительное формирование согласия по этой части, а участники беседы должны руководствоваться общими нормами рациональности, т. е. используемые модусы силлогизмов должны признаваться обеими сторонами как эти универсальные нормы.

Искусство ведения такой беседы, или диалектика как искусство состояло в умении изыскивать средства доказательства, выполняющие эти условия.

Риторика же в античной культуре понималась как искусство убеждающей речи, обращённой к публике. Ее основными формами являются риторический силлогизм и пример. Она не столько доказывает, сколько убеждает, поскольку оратор, обращаясь к публике, не преследует цель доказательства истинности своего тезиса, эту задачу выполняет аналитический, научный силлогизм. Задача оратора, в отличие от задачи философа, учёного, не поиск истины, а демонстрация истинности-для, в данном случае — для публики. Поскольку в отличие от диалектической беседы здесь вопросы задавать трудно, и в беседу вступить не получится, то посылки черпаются из предполагаемого оратором мнения публики. И здесь главным средством является энтимема. Мишель Лефф, предпринявший специальное исследование с целью установить, как понималось различие между риторикой и диалектикой авторами, формировавшими это знание от античности до наших дней, приходит к выводу, что никакой ясной определённости в толковании соотношения, функций, структуры этих искусств не существовало. Можно выявить лишь преобладающие тенденции в понимании их особенностей, которые традиционно известны [Leff 2000]. К тому же, в античной риторике не было чёткого разделения между приёмами аргументации и риторическими фигурами [Мигунов 2010]. Ведь античная риторика в силу своей синкретичности была для её авторов не только искусством доказательного рассуждения в речах, но и искусством красноречия. Аргументация, поскольку она представлена в языке, становится речевым феноменом с определённой стилистической характеристикой. Один и тот же речевой оборот может выполнять аргументативную функцию, в силу своего определённого положения в структуре дискурсивного действия, и в то же время обладать стилистической определётельностью, быть элементом прекрасной речи, т. е. может быть и фигурой речи, и приёмом аргументации.

Всякий раз, когда мы обращаемся в разговоре о риторике к её античным теоретикам, надо иметь в виду, риторика, как она формировалась в античности, носила синкретический характер. Она содержала в качестве своих собственных частей значительную часть того знания, которое в наши дни существуют уже в качестве самостоятельных дисциплин, имеющих своим предметом изучение языка и речи в многообразии ее форм. Одной из таких дисциплин стала и теория аргументации, сделавшая своим собственным предметом разнообразные формы процедур обоснования в естественном языке, в речи. Поэтому, когда мы сегодня говорим о риторике, мы должны ответить на вопрос, о какой риторике идет речь, о риторике как она представляла в теоретических концепциях античных риториков, или о риторике как она есть или должна пониматься сейчас. То ли это общее имя, которое мы по традиции связываем с ныне существующим комплексом соответствующих дисциплин, когда-то бывшими единой дисциплиной по имени риторика, то ли мы понимаем под риторикой искусство, выполняющее функцию, которая всегда, изначально была присуща ему, составляло существо риторического умения и не сводима ни к одной из имеющихся нынче дисциплин, отпочковавшихся и выросших из риторики. Если же предметная область риторики разошлась по этим дисциплинам без остатка, то значит, всякое упоминание о риторике в наше время влечёт нас либо в одну из современных дисциплин, вышедших из неё, либо в далёкое прошлое, когда все эти дисциплины еще не осознавали определённости своего предмета, не отличали себя друг от друга,

были одним, и имя этого одного было риторика. Может быть и сегодня, говоря о риторике, мы выделяем под этим именем комплекс дисциплин, объединяемых своим интересом к различным аспектам речевого поведения человека?

Риторика — это, все-таки, искусство речи. Но нельзя сводить искусство речи к убеждению. Искусство речи это прежде всего искусство внятно излагать. Т. е. говорить так, чтобы ты сам понимал, что говоришь, т. е. чтобы разум твой обнаруживал себя в твоей речи, чтобы он обнаруживал речь как свою собственную форму существования, позволяющую ему таким образом обнаруживать себя для других, а, следовательно, и для себя.

Риторика всегда была искусством рождения мысли, которая рождается и воспроизводится словом. Мысль, чтобы быть, чтобы обладать определённой, должна обрести определённую форму, на основании которой она узнается, то есть она должна быть высказана. Все, что есть, есть в какой-то форме. И эта форма позволяет нам обнаружить и узнать сущее. Формой, которая позволяет узреть и узнать мысль, является слово. Форма сказывания определяет что сказано. Но при этом, как известно, отдельное слово в естественном языке не обладает определённым смыслом, смысл рождается в тексте. В тексте, который формируется разумом читателя-слушателя. Именно поэтому нельзя перевести слова, но можно перевести текст, упорядоченный набор слов. Этот порядок, эта словесная аранжировка рациональна, поскольку является условием рождения определённой мысли. Риторика как искусство слова есть, по сути, искусство рождения мысли. Ибо слово есть там, где есть мысль, рождаемая словом. Слово, лишённое мысли, перестаёт быть словом (логосом), превращаясь в членораздельный звук (лексис). Фигура речи рождает определённый смысл, который без этой формы речи не может быть помыслен.

Сама реальность открывается нам постольку, поскольку мы можем помыслить её, т. е. рассказать, выразить её непротиворечивым образом в языке. Мир познаётся нами через порядок речи, поскольку через слово обнаруживается смысл, который открывает мир нашему разуму. Всевозможные фигуры речи являются средством рождения мысли. Как справедливо замечает Н. Д. Арутюнова, «дав толчок развитию мысли, метафора угадает. Она орудие, а не продукт научного поиска. Точно так же и в практической речи, дав толчок семантическому процессу, метафора постепенно стирается и в конце концов утрачивает образ, на смену которому приходит понятие (значение слова)» [Арутюнова 1990: 15], поэтому «спор о выборе метафоры — это спор об истинной сущности предмета» [Арутюнова 1990: 27–28]. По сути то же за двести лет до этого утверждал Новалис: «Поэзия на деле есть абсолютно-реальное. Это средоточие моей философии. Чем больше поэзии, тем ближе к действительности» [Берковский 1934: 121]. Иначе говоря, поэтические средства языка позволяют нашему разуму проникать в суть вещей. Мы потому и можем помыслить суть вещи, что язык, на котором мы мыслим, содержит такую возможность. Сама реальность лишена смысла, смысл рождается в языке, когда мы пытаемся в своём рассуждении рассказать мир, т. е. разумом своим пытаемся его обнаружить.

Поскольку мысль рождается в слове и через слово, природа мысли межсубъектна, акт ее рождения есть акт сказывания. Язык средство постижения, узнавания истины, или, что то же самое, средство ее сообщения для другого и, таким образом, для меня. Но чтобы мысль случилась в своей определённости, необходимо, чтобы в языке, который является носителем нашего разума, уже были основания для рождения этой мысли. Определённость мысли производна от языка, посредством

которого мой разум воспроизводит себя. При этом язык, в котором я мыслю, задаёт не только форму существования этой мысли, но и ее содержание (см.: [Мамардашвили 1991]). Поэтому, если в языке нет возможности сказать нечто, никто об этом не узнает: не узнает, (1) *что* именно сказать нельзя, (2) *о чём* нельзя сказать, а также и о том, (3) что об этом *сказать* нельзя. Риторика и есть то искусство, которое позволяет из имеющегося всеобщего культурного, существующего, воспроизводимого благодаря языку резервуара извлечь именно то, что позволит высказать суть познаваемого предмета. В акте риторического действия смыслы сущего формируются, т. е. становятся известными говорящему и его слушателям.

Узнавание сути вещей, сообщение мысли и рождение мысли — один и тот же акт. Референциальная и коммуникативная функции языка не существуют друг без друга, это два аспекта одной способности, эпистемической функции слова. Но сказывание для себя и сказывание для другого — это два аспекта сказывания, т. е. постижения смысла. Прежде чем обосновывать приемлемость моего утверждения для другого (т. е. прежде чем аргументировать), я должен ему это суждение, эту мысль сказать. Но я только тогда могу утверждать, что я сказал ему эту мысль, когда она случается в его разуме. Но мысль не случается без достаточных на то оснований. Речь идёт не об основаниях, которые человек находит в своём разуме для утверждения ее истинности или для согласия с ней. Нужны основания для ее обнаружения и узнавания. Определённость мысли производна от языка, посредством которого разум воспроизводит себя. Сказать именно эту мысль я могу только тому, у кого есть основания для рождения этой мысли. Высказать эту мысль я могу только на языке моего собеседника, на языке, которым владеет публика, к которой я обращаюсь. Чтобы содержательная *чтойность* нашей речи случилась для нас и для нашего собеседника, мы должны владеть знанием того, *как* это сказать, во-первых, и как это *сказать для него*, во-вторых. Потому высказывание некоторой мысли о реальности требует риторической изощрённости.

Риторическое искусство позволяет сформировать в языке слушателей основания для рождения этой мысли в их сознании, основания ее узнавания, основания ее сказывания для них. Я должен использовать соответствующие риторические средства сказывания, чтобы слушатель обнаружил в моём сказывании именно эту мысль, чтобы она родилась для него в этой форме сказывания. Риторика — искусство речи, которое делает речь не просто изощрённой, но возможной. Мысль, чтобы быть обнаруженной, узнанной нуждается в форме, которая определённость мысли позволяет зафиксировать. И формой этой является слово. Риторика отвечает за форму сказывания, а, следовательно, и за рождение этой мысли. Мысль должна быть высказана, чтобы быть. В сказывании мысль обретает свою определённость. Сказывание рождает мысль. Но это всегда сказывание кому-то. Мысль только тогда и рождается, когда есть тот, кто ее обнаруживает в сказанном, т. е. определённым образом толкует сказанное. Мысль не может родиться, если сказанное никто не токует. Так же, как нет текста до прочтения, так же и нет мысли до её понимания кем-то. Мысль, как и текст, является продуктом прочтения, и потому умение читать первично, а умение писать, как и умение говорить, означает, что пишущий и говорящий присутствуют в этом акте речи, как читатель и слушатель, и именно поэтому есть возможность у него быть услышанным и прочитанным. Тот, кто не понимает того, что он произносит или пишет, не может ничего сказать или написать. Спросите его, что он сказал, когда он это сказал, и поймёте, сказал он что-нибудь или

нет. Вот как пишет об этом Платон: «Разве только одна мелочь мешает мне, но ясно, что Протагор и ее без труда разъяснит, после того как разъяснил уже столь многое. Правда, если кто начнёт беседу об этом же самом предмете с кем-нибудь из тех, кто умеет говорить перед народом, он, пожалуй, услышит речи, достойные Перикла или любого другого из мастеров красноречия, но стоит ему обратиться к ним с вопросом, они, словно [немые] книги, бывают не в состоянии ни ответить, ни сами спросить» [Платон 2006а: 328e-329b]. Сократ не раз повторяет это своё настороженное отношение к письменному слову, говоря об «ужасной особенности письменности», «...поистине сходной с живописью: ее порождения стоят как живые, а спроси их — они очень величественно молчат. То же самое и с сочинениями. Думаешь, будто они говорят, как мыслящие, а если кто, желая усвоить, спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, они всегда твердят одно и то же» [Платон 2006б: 275 d-e.]. Устная речь выше письменной, но не та речь, которая звучит, из уст рапсодов, например, которые выучивают наизусть, а та, которая рождается в разуме, которая является свидетельством разума, которая и есть форма разума.

Аристотель в *Метафизике* замечает, что «ведь это невежество не знать, для чего следует искать доказательства и для чего не следует. На самом же деле для всего без исключения доказательства быть не может (ведь иначе приходилось бы идти в бесконечность, так что и в этом случае доказательства не было бы); а если для чего-то не следует искать доказательства, то они, надо полагать, не будут в состоянии сказать, какое же начало считают они таким [не требующим доказательства] в большей мере. ...А кроме того, тот, кто с этим согласился, согласился и с тем, что есть нечто истинное и помимо доказательства, (так что не может что-либо [в одно и то же время] обстоять так и иначе)» [Аристотель 1976: IV 4, 1006a]. «Это слово требует внимательного обдумывания, — замечает Хайдеггер, — Ибо все ещё не решено, каким способом то, что не нуждается ни в каком доказательстве, должно быть познано, чтобы стать доступным для мышления. Есть ли этот способ диалектическое опосредование, или изначально дающая интуиция, или ни то и ни другое?» [Хайдеггер 2008]. Частичный ответ на этот вопрос пытается дать Н. Решер. Суть его позиции состоит в следующем. Он тоже говорит о риторике как об искусстве убедительного изложения, но она не сводима к этой характеристике. Согласно Н. Решеру, нельзя толковать риторикой лишь как искусство построения убеждающей речи, т. е. делать ключевым термином в определении убеждение, построение доказательной речи, поскольку логически выстроенное доказательство тоже стало бы в таком случае продуктом риторического искусства. Н. Решер предлагает определять риторикой как способ убеждения, не предполагающий использование отношения следования. Риторика прерывает дурную бесконечность предпосылочного доказательства, поскольку берет на себя ответственность за исходные суждения, истинность которых обосновывается не ссылкой на другие утверждения, а риторическими средствами, благодаря тому, что риторика обладает силой непосредственного сказывания истины, которая узнается нашим разумом как безусловно приемлемое утверждение, порождающее согласие в силу внутренне присущих ему качеств. Ритор, используя средства риторики, сам формирует у слушателя исходные мнения и приемлемые положения, которые затем использует аргументатор, обосновывая свою точку зрения для слушателя. Именно поэтому риторика в той или иной степени используется в рациональной аргументации. [Rescher 1998: 316–317]. Таким образом,

по мнению Н. Решера, риторические средства языка позволяют убеждать без ссылок на отношение следования.

На мой взгляд, Н. Решер, обращая внимание на важную характеристику риторического знания, ошибается всё-таки, связывая её с убеждением. Риторика не убеждает, она даёт возможность помыслить нечто определённое, обнаружить для себя определённую мысль как свою собственную. Ритор, и в этом его сущностная определённость, может сказать, т. е. сделать мысль высказанной, известной слушателю. А сделать её приемлемой должен уже аргументатор, в том числе и с помощью речевых приёмов, не сводимых к логическому отношению следования. Как остроумно заметила Н. Д. Арутюнова: «Метафора — это приговор без судебного разбирательства, вывод без мотивировки» [Арутюнова 1990: 28]. А вот «судебное разбирательство» — это уже дело аргументации.

Выводы

Краткие выводы, которые можно сделать на основании вышеизложенного, таковы. Риторика — искусство сказывания. Владеть этим искусством необходимо и в обращении к публике, и при ведении диалектической беседы, чтобы и в том и в другом случае сказать что-то определённое, причём сказать именно то, что требуется согласно твоему разумению; чтобы в сказанном тобою публике, собеседник узнали именно то, что ты сам узнаёшь в сказанном как свою собственную мысль, за уместность которой ты сам готов нести ответственность, т. е. разъяснить и обосновать, если это понадобится. Речь, лишённая использования риторических средств, выпадает за пределы логоса, осмысленной речи, т. е. перестаёт быть речью. При этом речь, язык по природе своей аргументативны, и логика является их рациональным основанием. Всякая высказанная мысль нуждается в обосновании, будь это ораторское обращение к публике, или обращение к собеседнику в ходе диалектической беседы. Конечно, формы аргументации, процедуры аргументации могут в этих случаях различаться, но это всегда будет аргументация. Риторика несёт ответственность за формирование у слушателя оснований, чтобы эта мысль случилась, но за обоснование приемлемости этой мысли для слушателя несёт ответственность аргументация, как в том случае, когда эта мысль высказана публике, так и в том случае, когда эта мысль высказывается собеседнику.

Рассматривать риторику как составляющую часто констатируемой «трихотомии» аргументации — логика, диалектика, риторика — не корректно, это закрывает путь к выяснению действительной природы риторического искусства как искусства рождения мысли в слове, искусства воспроизводства мыслящего слова. Риторика и аргументация — это два аспекта речи, две стороны одного и того же, потеря, дефект любой из этих сторон речи делает речь несостоятельной. В речи эти две стороны неразрывно связаны. Но овладение речью предполагает различение этих двух ее составляющих, того, что формирует определённую мысль, и того, что делает эту мысль приемлемой, обоснованной. Неумение сказать и неумение обосновать это две стороны косноязычия, два аспекта лингвистического невежества. Впрочем, можно сказать, что это два аспекта всякого неразумия, поскольку мы знаем о мире лишь то, что в состоянии высказать, представить в языке непротиворечивым образом. Косноязычие застилает мир пеленой, сквозь которую пытается пробиться наш разум, в стремлении постичь этот мир, преодолевая косноязычие, несказанность.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1976 — *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
- Аристотель 1978а — *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. М.: Издательство Московского университета, 1978.
- Аристотель 1978б — *Аристотель*. Топика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Берковский 1934 — *Берковский Н. Я.* (ред.) Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934.
- Мамардашвили 1991 — *Мамардашвили М.* Язык и культура // Вестник высшей школы. № 3, 1991, с. 46–52.
- Мигунов 2001 — *Мигунов А. И.* О риторическом контексте проблемы истины // Логико-философские штудии. СПб., 2001, с. 73–89.
- Мигунов 2007 — *Мигунов А. И.* Энтимема в аргументативном дискурсе // Логико-философские штудии. Вып. 4, 2007, с. 149–165.
- Мигунов 2010 — *Мигунов А. И.* Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. 2010, № 4, с. 3–28 (последнее обращение 07.12.2016).
- Платон 2006а — *Платон*. Протагор // Платон. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. СПб.: Издательство СПбГУ, Издательство Олега Абышко, 2006.
- Платон 2006б — *Платон*. Федр // Платон. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. СПб.: Издательство СПбГУ, Издательство Олега Абышко, 2007.
- Платон 2006в — *Платон*. Государство // Платон. Сочинения в 4-х томах. Т. 3, ч. 1. СПб.: Издательство СПбГУ; Издательство Олега Абышко, 2007.
- Хайдеггер 2008 — *Хайдеггер М.* Конец философии и задача мышления // Электронный философский журнал Vox / Голос: <http://vox-journal.org/html/issues/vox5/83> Вып. 5 (декабрь, 2008) (последнее обращение 07.12.2016).
- Anscombe, Ducrot 1983 — *Anscombe J.-C., and Ducrot O.* L'Argumentation dans la Langue. Liège: Pierre Mardaga, 1983.
- Blair 2012 — *Blair J. A.* Groundwork in the Theory of Argumentation. Selected Papers of J. Anthony Blair. Chapter 18. Relationships Among Logic, Dialectic and Rhetoric. Springer Science + Business Media B. V. 2012.
- Eemeren, Houtlosser 2000 — *Eemeren F. H., van, Houtlosser, P.* Rhetorical Analysis Within a Pragma-Dialectical. The Case of R. J. Reynolds // Argumentation. Vol. 14, 2000, p. 297.
- Gilbert 2013 — *Gilbert M. A.* Commentary on: Charlotte Jørgensen's "Rhetoric, dialectic, and logic: The triad de-compartmentalized" // Virtues of Argumentation. Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA), 22–26 May 2013 / Eds: Mohammed, D., Lewiński, M. Windsor, ON: OSSA, 2013, p. 1–4.
- Jørgensen 2014 — *Jørgensen Ch.* Rhetoric, Dialectic and Logic: The Wild-Goose Chase for an Essential Distinction // Informal Logic. Vol. 34, No. 2, 2014, p. 152–166.
- Leff 2000 — *Leff M.* Rhetoric and Dialectic in the Twenty-First Century // Argumentation. Vol. 14, 2000, p. 241–254.
- Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969 — *Perelman Ch. and Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. University of Notre Dame Press, 1969.
- Rees 2000 — *Rees van M. A.* Comments on 'Rhetoric and Dialectic in the Twenty-First Century' // Argumentation. Vol. 14, 2000, p. 255–259.
- Rescher 1998 — *Rescher N.* The Role of Rhetoric in Rational Argumentation // Argumentation. Vol. 12, 1998, p. 315–323.
- Tindale 2015 — *Tindale Ch. W.* The philosophy of argument and audience reception. New York: Cambridge University Press, 2015.
- Wenzel 1987 — *Wenzel J. W.* The rhetorical view of argumentation: Exploring a paradigm // Argumentation. Vol. 1, 1987, p. 73–88.
- Wenzel 1990 — *Wenzel J. W.* Three perspectives on arguments: Rhetoric, dialectic, logic // Perspectives on Argumentation: Essays in Honor of Wayne Brockriede / Eds.: Trapp R., Schuetz J. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1990, p. 9–26.